

УДК 94(470)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ВЗАИМНЫЕ ОЦЕНКИ**DEMOCRATIC SOCIALISM AND BOLSHEVISM IN RUSSIA EARLY XX CENTURY: MORAL AND ETHICAL PRINCIPLES AND MUTUAL EVALUATION**

©Протасова О. Л.

SPIN-код: 3562-1950

канд. ист. наук, Тамбовский государственный технический университет

г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

©Протасова О.

SPIN-code: 3562-1950

PhD, Tambov State Technical University

Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются моральные установки и этические принципы ведущих социалистических партий России начала XX века. На конкретных примерах показано, насколько различны могут быть эти ориентации в зависимости от характера политической силы — их носителя: в практической деятельности партий «демократического социализма» — эсеров, народных социалистов, меньшевиков преобладали ориентиры на гуманистические ценности плюрализма, свободы, уважения к человеческой личности; для приверженцев так называемой «классовой морали» — большевиков главной ценностью была политическая целесообразность. Приводятся взаимные оценки представителей этих противоположных подходов к проблеме соотношения политики и морали, убедительно доказывающие, что большевистский вариант социализма категорически не может быть назван демократическим.

Основные методы исследования: анализ, синтез, биографический метод, аналогия, сравнение.

Abstract. The article deals with moral values and ethical principles of the socialist parties of the leading Russia in the early twentieth century. In specific examples shown are how different have these orientations, depending on the nature of the political forces — their medium: in practice parties “democratic socialism” — the Socialist–Revolutionaries, Popular Socialists, the Mensheviks dominated the guidelines for the humanistic values of pluralism, freedom, respect for the human person; for followers of the so-called “class morality” — the main value of the Bolsheviks was political expediency. We give mutual evaluation of members of these opposing approaches to the problem of the relation of politics and morals, conclusively proving that the Bolshevik version of socialism categorically cannot be called democratic.

Basic research methods: analysis, synthesis, biographical method, analogy, comparison.

Ключевые слова: политика, мораль, этические принципы, демократический социализм, эсеры, народные социалисты, меньшевики, большевики, революция.

Keywords: politics, morals, ethics, democratic socialism, the Socialist–Revolutionaries, Popular Socialists, the Mensheviks, the Bolsheviks, revolution.

Политическая борьба всегда сопровождается столкновением моральных установок. Политике свойственны определенные тактика и стратегия, опирающиеся в каждом конкретном случае на нравственные ориентации ее акторов: в свои стратегические цели политика включает внутреннюю моральную ориентацию [1]. Насколько различны могут

быть эти ориентации в зависимости от характера политической силы — их носителя, можно показать на примере российских социалистических партий начала XX века, которые при содержательном сходстве программ демонстрировали противоположные моральные установки и совершенно разное политическое поведение. Если следовать классификации социальных действий М. Вебера, большевики были поборниками действий целерациональных («цель оправдывает средства»); исповедуемая ими «классовая мораль», единственно пригодная, по их мнению, как ценностный ориентир — на деле была понятием скорее абстрактным. Представители умеренного крыла российского социализма, как правило, к нравственной стороне политики относились достаточно трепетно, в своей деятельности придерживаясь главным образом ценностно-рациональных принципов. В российской общественно-политической действительности периода становления демократической культуры (по определению Н. Селунской и Р. Тоштендаля [2]), относящегося к началу XX в., к таковым следует отнести партии, которые правомерно объединить общим названием, предложенным австрийским социал-демократом О. Бауэром в 1919 г. [3, с. 194] — «демократический социализм». Этот термин ныне актуален, во-первых, в связи с доказанностью существования форм социализма недемократического (тоталитаризм, авторитаризм и т. д.), а, во-вторых, востребованностью в современной политике акторов, органически сочетающих политический и экономический реализм и высокие стремления к социальной справедливости вкупе с уважением к человеческой личности. Все эти достоинства присутствовали в программах крупнейших партий российского демократического социализма — эсеров (кроме радикалов — левых и максималистов), народных социалистов и меньшевиков, чьи нравственно-политические идеалы вписываются в формулу: «Не человек для социализма, а социализм для человека» [4, с. 11].

1890-е г. г. в России были отмечены полемикой марксизма, пришедшего из Европы, и народничества — отечественного идеологического «продукта», ориентированного на внутренние реалии и проблемы. Результатом этих дебатов явилось вскоре оформление ведущих политических партий левого сектора — социал-демократов (большевиков и меньшевиков), эсеров и народных социалистов. В этой полемике «выковывались» типы будущих революционеров, в том числе государственных деятелей, о чьих задатках и характерах, ярко проявившихся впоследствии, можно было (со скидкой на молодость, неопытность и горячность) судить уже тогда. Так, исследователь А. В. Шубин справедливо отмечает, что «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью» [5, с. 498]. Не последнюю роль в этом идейном упрощении, как и скандальности форм ведения политической дискуссии, сыграл В. И. Ленин, для которого эта полемика стала трамплином политической карьеры, как, впрочем, и для многих еще более молодых людей, выбравших публичную политику как сферу приложения своей активности.

Известный эсер М. В. Вишняк, доживший до 93 лет и ставший одним из самых «долговечных» деятелей российского демократического социализма «первого призыва», на склоне лет вспоминал, что ему еще в молодости, в период выбора идейного пути, «понимание социализма как идеологии и морали, присущей определенному классу, не говоря уже о доктрине философского и исторического материализма было абсолютно чуждо» [6, с. 99]. По признанию Вишняка, это исключало для него вступление в организацию РСДРП. Впрочем, предложив свои услуги партии, он «попросил освободить себя от связанности» по пунктам террора и «„братоубийственной“ борьбы эсдеков с эсерами и обратно» [6, с. 99]», и ему это было разрешено. Русские марксисты были жестче народников в вопросе условий и средств достижения социальной справедливости; их предполагаемая социальная база была уже — они рассчитывали на пролетариат, в то время как народники отстаивали интересы «трудового народа», составлявшего триединство крестьянства, рабочих и интеллигенции. В эсеровское определение социализма было введена

подчеркнутая этико–гуманитарная нота о гармонически развитой, свободно развертывающей все свои творческие потенции, инициативной человеческой индивидуальности [7, с. 46–47]. «Я до сих пор считал этическим обоснованием социализма стремление рассматривать все исторический процесс в его закономерном виде с точки зрения интересов человеческой личности, с точки зрения ее всестороннего и гармоничного развития, предполагающего торжество общественной солидарности», — заявлял идеолог эсеров В. М. Чернов [8, с. 10].

Хотя партию социалистов–революционеров многие воспринимали и до сих пор по привычке воспринимают как партию, прежде всего, террористическую, террор не был альфой и омегой для большинства эсеров. После 1911 г. происходило угасание террора, так как многие эсеры разочаровались в нем, укрепляясь во мнении, что массовая социалистическая партия не должна заниматься терроризмом. Террор как главное средство борьбы партии рассматривался лишь группой «инициативного меньшинства», а также некоторых руководителей (Е. Ф. Азеф, Г. А. Гершуни, Б. В. Савинков), но эти взгляды не разделялись ни значительной частью руководства партии, ни массой ее рядовых членов, ни даже большинством Боевой организации более позднего времени [7, с. 39]. Эсеры заявляли, что террористическая тактика должна быть прекращена при созыве Учредительного собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя [7, с. 40].

Тактические и организационные установки энесов также наглядно характеризуют демократическую природу партии в целом и ее представителей в отдельности. Народные социалисты были врагами всякого экстремизма — политического, экономического морального. При всей твердости убеждений, в них не было отличавшего многих народников и марксистов утопизма и безоглядной веры в свою теорию как аксиому. Для них это был, скорее, идеал достаточно отдаленного будущего, к которому вел длительный эволюционный путь. Энесы воплощали позитивный, но, увы, не развившийся в условиях царской России тип политической культуры, основанный на гуманности и строгой этике. Социализм, к которому они стремились, полностью исключал нелегальщину, им нужна была широкая общественная арена [9, с. 78]. Отвечая недоброжелателям, подозревавшим у энесов намерение приспособиться к тогдашним полицейским условиям, их лидер А. В. Пешехонов утверждал, что открытость и легальность партии — не одно и то же [9, с. 78]. Дело заключалось не в нехватке личного мужества или привычке к бытовому комфорту. Легальность партии не избавляла ее от полицейских преследований: лидеры энесов многократно арестовывались за свою литературную оппозиционную деятельность, за участие в руководстве Всероссийским крестьянским союзом и т. п. Кроме того, никто из народных социалистов до 1917 года не уехал в эмиграцию (да и уехавшие после 1917 г. в основном сделали это вынужденно, высланные большевиками). Энесы исповедовали неписанный этический кодекс, отвергавший неразборчивость средств в достижении цели, исключавший прием в партию лиц с плохой общественной репутацией. Эти люди, как правило, не были властолюбивы, зато были бескорыстны в своей любви к трудовому народу и желании помочь ему. Открытость же партии лишала смысла политическое провокаторство, столь распространенное в межреволюционный период в нелегальной партийной среде, и не давала недоброжелателям возможности упрекать энесов в моральной нечистоплотности.

Меньшевики, представлявшие умеренное крыло российской социал–демократии (и, в отличие от большевиков, заслуживающие «звания» демократических социалистов как из-за терпимости к оттенкам мнений в собственной среде, так и из-за более ценностно–рационального отношения к методам достижения общественного прогресса) по мере накопления партийного опыта все больше проникались недоверием к тому, что считали политическим авантюризмом. После 1905 г. сократились возможности открытой деятельности для рабочего движения. Весной 1906 г. видный меньшевик А. Н. Потресов выступил с настоятельным призывом преобразовать социал–демократию «из партии бывшей революционной интеллигенции в партию масс» и «любой ценой выйти из подполья» [цит. по: 10, с. 36] и убеждал меньшевиков сменить роль заговорщиков и организаторов масс

на роль пропагандистов и публицистов. По сути, это было новая программа, позднее названная Лениным «ликвидаторством». Так называемые, ликвидаторы, настаивали на исключительно легальных методах борьбы за социальный прогресс. После I Русской революции они провозглашали необходимость борьбы за легальность партии, доказывая необходимость реформирования общества посредством открытых, законных организаций и легальной прессы, и считая, что необходимо свернуть подпольные формы работы и ликвидировать нелегальные комитеты. Они ратовали за возможность «скорее выбраться из подполья, идти во все легально организуемые профессиональные союзы, участвовать и развивать все виды кооперации, работать в разных просветительных учреждениях, в отделах городских управлений и земств, укрепляться всюду, быть полезным, говоря «свое слово» [11, с. 146]. В легальных рабочих организациях, которые меньшевики–легалисты расценивали как «хорошую школу для будущей политической активности в рамках демократии» [цит. по: 10, с. 37] они видели средство помочь рабочему классу стать одной из ведущих сил на исторической арене. Следует отметить, что не все меньшевики считали полезным чистый легализм: деятельность «практиков» и «литераторов» подверглась критике за чрезмерный прагматизм и отказ от политических акций со стороны меньшевистских лидеров Ю. Мартова и Ф. Дана, живших в межреволюционный период в эмиграции.

В революционные времена успех тех или иных политических сил во многом определяется их умением найти общий язык с массой. Это тем легче, чем больше их идеология связана с желаниями масс, их насущными практическими нуждами, хотя охлос не интересуют партийные программы. Массе льстит, когда к ней апеллируют и она ощущает собственную значимость. В этом смысле никто не мог конкурировать с большевиками. Резкость и даже грубость политической полемики были обычным явлением в 1917 г., но большевики истовее других (и, как оказалось, не без оснований) уверовали в то, что именно этот тон наиболее убедителен в общении с малокультурными слоями населения, воспринимается ими как знак полной социальной близости.

Ленин в этом смысле «не отставал от моды» и, несмотря на свое происхождение и воспитание, полученное в интеллигентной семье, был даже ее законодателем. Отличавшийся с юности крайней нетерпимостью к мнениям иным, нежели его собственное, Ленин никогда не стеснялся клеймить своих противников в самых сильных выражениях, «с размаху лепил позорную печать», «наклеивал бубновые тузы» на тех, кто был в чем-либо с ним не согласен. Обладая среди единомышленников действительно огромным авторитетом, «Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом по голове, своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих объяснений одно только словечко должно было вызывать, как в экспериментах профессора Павлова, условный рефлекс» [12, с. 123], — сообщает Н. В. Вольский (Валентинов), бывший в первой половине 1904 г. весьма близким соратником Ленина. По его словам, в 1903–1904 г. г. в рядах социал–демократов для Ленина такими «бубновыми тузами» были представители так называемого «экономизма» — реформистского течения в рамках марксизма А. С. Мартынов (Пиккер) и В. П. Акимов. Сравнения с ними в глазах ленинцев считались позором, ибо вождь большевиков бичевал их за «политический кретинизм, теоретическую отсталость и организационный хвостизм» [12, с. 121] (якобы Акимов и его сторонники не *направляли* рабочее движение, а *следовали* за ним, «плелись в хвосте»). Сам Акимов, принимая участие в работе Амстердамского конгресса социалистов в августе 1904 г., когда его прения с искровцами, возглавляемыми остроязычным Лениным, были еще на самом пике, с болью рассказывал сестре о «нечистоплотных махинациях ленинцев» [13, л. 22], называя большевиков при этом «негодьями» и «манекенами» [13, л. 22]. Правда, в отличие от ленинских филиппик, моментально становившихся достоянием партийной гласности, обличающие речи Акимова в адрес ленинцев не выходили за пределы его семьи. Начав сомневаться в целесообразности агрессивной активности марксистов–радикалов, судя по его дневнику, еще в 1899 г., он стал находить много «прекрасных личностей среди земцев, либералов, юристов и ученых» [13, л. 13].

По воспоминаниям Ю. П. Махновец–Гавенис, к 1905 г. профессиональные революционеры стали ее брату «противны, и он решил посвятить себя культурно–просветительской деятельности, называя ее истинно революционной» [13, л. 25]. Однако еще в период своей активной политической деятельности и самоотверженной борьбы с антидемократизмом большевиков Акимов заявлял, что «партия всегда заслоняет собой рабочий класс» [12, с. 122], что в партии никогда не произносится пролетариат в именительном падеже, а всегда в родительном, в виде приложения к партии. Спустя годы многие из тех, кто во время этой речи Акимова смеялся, признали, что его «странная формула была далеко не так уж глупа» [12, с. 122].

По мнению Акимова, своего самосознания, идеала и этики рабочий класс выработать не успел. В успехе большевиков сыграли роль их популистские лозунги и призывы, содержавшие самые необдуманные, демагогические обещания, умело рассчитанные на простоту и доверчивость необразованных масс. Рабочему классу льстили речи о его гегемонии и диктатуре, так же как крестьянству — обещания земли. Целью ленинцев было разрушение, «а что выйдет из хаоса, (они) и сами не знают. Теперь... требуется подчинение личности интересам коллектива, личность–солдат. Но верно ли диктаторы угадывают интерес коллектива? ...Война, разложение верхов не совпали с сознательной организацией рабочего класса, рабочий класс не выдвинул своих представителей. Ленин и Ко — идеологи–мстители и диктаторы — завладели низами» [13, л. 19–20]. Созвучны были и впечатления правых неонародников, изложенные на страницах «Русского богатства»: новоявленные адепты большевизма — не «вольница», а «безотцовщина», «люди, не только не помнящие родства, но и не желающие себя ограничивать признанием каких бы то ни было родственных связей», «по преимуществу центробежная стихия, нашедшая в большевизме чрезвычайно удобную для себя словесность» [14, с. 244].

Д. Н. Шуб, в начале своей политической деятельности примыкавший к правому флангу меньшевизма, а после окончательного отъезда в 1908 г. в США проводивший линию сближения взглядов демократического социализма и либерализма, в годы первой эмиграции познакомился в Швейцарии с Лениным и был приглашен последним вступить в фракцию большевиков, однако отказался. Причины отказа были все те же — абсолютное отсутствие элементов демократии и плюрализма мнений внутри организации, крайний авторитаризм вождя. Шуб в своей оценке Ленина как политического лидера и личности был весьма строг: так, сравнение Ленина с Нечаевым было не в пользу первого. По словам Шуба, Ленин был таким же фанатиком, как Нечаев, но, в отличие от последнего, «совершенно искреннего..., готового ради торжества своей идеи поджечь мир, но согласного в любой момент и сам сгореть» [15, с. 266], Ленин не мог ради торжества идеи пожертвовать жизнью. Шуб с сочувствием приводит слова П. Б. Струве, бывшего легального марксиста, назвавшего в 1907 году ленинский большевизм «черносотенным социализмом» [15, с. 267]. Ни один демократ не мог без возмущения пройти мимо факта, что «в большевистской партии с первого дня ее существования не было даже намека на какую-либо демократию. С самого начала Ленин представлял себе партию не иначе, как тайную, строго конспиративную организацию, построенную по военному образцу» [15, с. 268].

В свое время А. Н. Потресов отметил, что «Ленин давно начал отбор человеческого материала и в конце концов отобрал много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, и недобрым качеством — моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом» [цит. по: 16, с. 178]. Ленин, по словам В. С. Войтинского, был снисходителен не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел «революционный элемент». Конечно, автор субъективен, но следует отметить, что он ушел в 1917 г. от большевиков во многом по соображениям морального неприятия их политической позиции [цит. по: 16, с. 178]. Согласно Л. Шестову, большевизм ничего не создает, а живет тем, что было до него создано, берет то, что у него под рукой. Большевизм неповинен и в том, что он питался от двух

источников — от мятежной русской души и от ее же мечты о лучшей доле, коль русские образцы ее были испробованы и безрадостны. Большевистский политический популизм не принес бы успеха, если бы не находил живейшего отклика в народной толще.

Как точно подметил народный социалист А. Б. Петрищев, никто, кроме большевиков, подкупавших малокультурное население популистскими лозунгами, не вносил в политическую борьбу элемента личной страсти. «Других приходилось уговаривать, убеждать, а власть они брали скорее из чувства долга, чем из страсти властвовать. В этом смысле Ленин был вне конкуренции» [цит. по: 17, с. 80]. В первую очередь именно этой страстью, помимо ужасающей политической беспринципности и нечистоплотности, после Октября 1917 г. российские демократы объясняли успех большевиков (не сомневаясь, правда, в его недолговечности). Таков был основной субъективный фактор неожиданного большевистского триумфа. Возвращаясь к пристрастиям Ленина придерживаться в полемике принципов «боев без правил», следует отметить, что народным социалистам тоже немало досталось от его языка: «благодаря» злым ленинским оценкам типа «полукадеты», «социал-кадеты», «переряженные кадеты», «эсерствующие меньшевики», за энесами на весь советский период закрепилась несправедливая репутация партии неавторитетной, не имеющей собственного лица. Досталось и «ликвидаторам». Вождь большевиков, называя меньшевиков-легалистов «столыпинской рабочей партией», писал: «Ликвидаторы — это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду» [18, с. 80].

Оппозиционный большевикам неонароднический журнал «Русское богатство» саркастически отмечал, что пока большевики не пришли к власти, они объявляли войну «оборончеству»; как только они властью овладели, «большевистские вожди публично и официально заявили, что теперь и они стали «оборонцами» [19, с. 330]. Обозреватель внутренней жизни в «Русском богатстве» энес А. Б. Петрищев констатировал, что «большевизм сплачивал ударные силы при помощи демагогического опорочения и разрушения начал дисциплины» [19, с. 330]. «В сущности большевизм и есть демагогия, — соглашался его соратник по партии и коллега по журналу А. В. Пешехонов, — все в нем упрощено и разнуздано, все в нем приспособлено для успеха в темных народных массах. Отнимите демагогию, и от большевизма мало что останется» [цит. по: 20, с. 135]. Однако российская демократия, отдававшая себе отчет в опасности экстремизма, присущего большевикам, и, несмотря на интенсивную подготовку последними вооруженного восстания, вела себя так, будто большевиков не существует [21], опасаясь «контрреволюции», наступления «справа» и даже реставрации. Демократы, по словам меньшевика И. Г. Церетели, были готовы укрепить правительство предоставлением ему чрезвычайных полномочий и обращением ко всем слоям населения с призывом к строгой дисциплине, но это правительство должно было, по их мнению, отражать демократические стремления большинства народа и, применяя меры принуждения против бунтующих, черпать свою силу в согласованности демократических организаций и выборных учреждений [22, с. 220]. Все это соответствовало стойким моральным убеждениям социалистов-демократов, даже в столь критический момент не способных нарушить правил «честной игры». Широкие массы, несмотря на призывы революционных лидеров для достижения гражданского согласия в стране умерить социальные аппетиты, делать этого не желали, и менее всего терпимости проявляли как раз те, о ком более всего радели социалисты [17, с. 80], то есть народ. В июне 1917 г. тогдашний министр продовольствия Временного правительства энес А. В. Пешехонов, выступая на I Всероссийском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов, признал: «Вся трудность заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс, которых надо призвать к самому напряженному труду, к лишениям и отказу от довольства, к необходимым жертвам» [цит. по: 23, с. 249]. Ленин тогда же обвинил министра-социалиста в лицемерии: призыв к самоограничению всех слоев населения звучал непривычно в устах социалиста и явно вразрез с общепринятой революционной риторикой того времени.

Заявление Пешехонова, на взгляд ленинцев, должно было восприниматься «революционными массами» скорее всего как измена делу революции и социализма. В то же время либералы и социалисты, в том числе сам Пешехонов, старались следовать собственным призывам, подавая пример самоограничения, так и не подхваченный в массах. А. Ф. Пешехонова сообщает в мемуарах о муже: «Хорошо запомнились мне слова шлиссельбуржца Г. А. Лопатина... Однажды, сидя за обеденным столом рядом с министром продовольствия, Г. А. сказал: «Никогда не едал у вас такого скудного обеда» [24, л. 42]. Известный писатель и философ В. В. Розанов, не испытывавший к Пешехонову пиетета как к мыслителю, писал так: «...У Пешехонова какой ум? Столоначальник, а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека. Замечательно, что раз его увидев..., неудержимо влечешься к нему, зная, что никакого интересного разговора не выйдет... Пиши, писарь, — тебе не водить полки, но ты и не украдешь, и не дашь никому украсть» [25, с. 17]. Бывший министр–председатель Временного правительства А. Ф. Керенский в своих наблюдениях счел справедливым отметить, что «в те... дни именно буржуазия отчаянно боролась за спасение страны, против узких интересов собственного класса. Представители буржуазии с искренней радостью отказывались от привилегий, считая это счастливейшим в своей жизни случаем, величайшим делом» [26, с. 13]. Керенский утверждал, что члены органов новой власти — Временного комитета Государственной Думы, Временного правительства, представлявшие класс «буржуазии», проявляли, пожалуй, больше идеализма и самоотверженности, чем демократические представители и «демократ–революционеры» [26, с. 13].

После Октябрьского переворота никто в стране (не исключая, пожалуй, и многих большевиков) не ожидал, что новая власть утвердилось надолго. Объясняя причины такого взлета «пассионарности» крайне левых радикалов их энергией, беспринципностью и жаждой власти (в первую очередь самого их лидера), демократы видели, как легко поддавались темные массы на самые невероятные обещания большевиков. «Чем ближе человек к моральному идиотизму, тем дальше от сознания долга и солидарности, тем понятнее ему этот уж слишком материалистический язык, — с горечью рассуждал А. Б. Петрицев. — Словечками о коммунизмах уже прикрывалась порнография и революционные знамена уже захватывала своими грязными лапами обыкновенная уголовщина» [27, с. 242]. Революция развеяла немало идеалистических представлений о народе, которые по инерции пробивались иногда сквозь рационализм политических деятелей–народников, приобретенный за 20 лет активной общественно–политической борьбы. Народ перестал казаться благонравным страдальцем, перед которым интеллигенция была в неоплатном долгу. С интеллигенцией тоже был связан ряд разочарований: по мнению аналитиков–демократов, она была виновата перед Россией в том, что не проявила ни должного единства, ни самоуважения, поступившись своими правами на водительство русской жизнью. В итоге в критический момент революционную гегемонию умственных сил перехватила сила физическая [27, с. 242].

А. Ф. Керенский заявлял, что «ни один класс не может претендовать на единоличное совершение великой русской революции, приписать одному себе честь освобождения русского народа, и меньше всего прав на это у российского пролетариата [26, с. 15]. Тем не менее, было ясно, что большевики пришли к власти на пике «незаслуженного самоуважения и самовлюбленности» народной массы [28, с. 277], самоуверенно приписавшей заслугу свержения царской власти себе, больно наказав интеллигенцию за ее разрозненность, «умственное высокомерие», нежелание по-настоящему принимать во внимание классовые интересы. Последнее касается в первую очередь либералов и неонароднической интеллигенции, не разделявшей «трудовой народ» по классовому признаку в отличие от меньшевиков — партии, ориентированной на пролетариат, и, конечно, от большевиков, оправдывавших «классовой моралью» любой свой шаг.

Революция как колоссальное социальное потрясение вредна духовному здоровью общества: она ослабляет его моральный иммунитет, биологизирует поведение людей, резко

обостряет массовый психоз. Так, Всероссийский съезд врачей в конце июля 1917 г. диагностировал в стране наличие «острого социального психоза» [см.: 16, с. 179]. Изменился в России и базисный тип прогрессивной личности, революционера. Н. А. Бердяев писал: «В стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с не бывшим ранее выражением... Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица... жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию» [цит. по: 16, с. 183].

А. Ф. Керенский с горечью вспоминал первые «подвиги» большевиков, уже захвативших власть: грубый акт разгона Учредительного собрания, убийство ночью 7 января в больнице А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина «бандой большевистских солдат и матросов», когда «больных людей, посвятивших всю жизнь служению свободе и демократии, закололи штыками» [26, с. 453–455]. А В. М. Чернов в 1920 г. написал открытое письмо В. И. Ленину, явившееся одним из самых сильных и смелых обвинений в адрес вождя большевиков — уже руководителя советского государства, облеченного огромной властью. Лидер эсеров обращал внимание Ленина на то, что большинство его сотрудников и помощников пользуется дурной репутацией среди населения: «их нравственный облик не внушает доверия, их поведение некрасиво, их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны провозглашать» [29, с. 11–13]. Чернов указывал Ленину, что, будучи его идейным противником, отдавал должное его ценным качествам: скромности в быту, нестяжательству, суровой честности. «Вы не вор в прямом и вульгарном понимании этого слова... Но, если понадобится украсть чужое доверие, и особенно народное доверие, Вы пойдете на все хитрости, на все обманы... которые для этого потребуются... Нет такого политического подлога, перед которым Вы отступили бы, если только он окажется нужным для успеха Ваших планов» [29, с. 11–13]. Чернов заявлял, что Ленин «человек аморальный до последних глубин своего существа» и «одним росчерком пера, одним мановением руки прольет сколько угодно и чьей угодно крови с черствостью и деревянностью, которой позавидовал бы любой выродок из уголовного мира» [29, с. 11–13], так как он «себе „по совести“ разрешил переступить через все преграды, которые знает человеческая совесть...» [29, с. 11–13].

Уже в эмиграции В. М. Чернов разъяснял базовые идейные установки эсеров таким образом: «Свобода, личные права, самоуправление — все, совокупность чего мы зовем демократией, — с нашей точки зрения... суть самостоятельные и полноценные культурные ценности. Без них социализм — то же, что организм, из которого вынули душу. Социализм без общественной и личной свободы — не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга... Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, что входит в самое определение социализма» [30, л. 59]. А. Ф. Керенский, подводя итог своих многолетних размышлений и осмысления прожитого и пережитого, пришел к выводу: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений... Русский народ никогда не добьется ни общественного благосостояния, ни благ образования, ни внутреннего порядка, ни международной безопасности, пока большевики держат Россию в тисках партийной диктатуры... Там, где «партийные интересы» не уступают дороги интересам общественным и национальным, нечего ждать ни цивилизации, ни реального прогресса» [26, с. 70].

Итак, моральные и этические установки русских демократических социалистов и большевиков были прямо противоположны. Наглядной иллюстрацией отношения к моральным принципам (точнее, их отсутствию) большевиков служит выдержка из письма В. М. Чернова В. И. Ленину: «Великого дела нельзя делать грязными руками.... В грязных руках твердая власть становится деспотизмом, закон — удавной петлицей, строгая справедливость — бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу —

каторжной работой, правда — ложью» [28, с. 11–13]. Комментарии здесь излишни. Большевиков осуждали все социалисты–демократы, но, даже поняв, насколько помогла в политической борьбе большевикам их моральная вседозволенность и беспринципность, они не могли воспользоваться против большевиков тем же оружием — именно из-за недопустимости возведения в абсолют насилия и зла во имя чего бы то ни было, из-за моральных архетипов, табу, усвоенных ими в процессе социализации. «Всю жизнь я мечтал о власти, которая не обагряла бы рук в крови, и не перестану к этому стремиться. Я продолжаю думать, что даже в наше жестокое время такая власть возможна» [31, с. 33], — написал в 1923 г. высланный из Советской России за политическую «неблагонадежность» А. В. Пешехонов. Д. Н. Шуб в середине XX в. отмечал: «Демократические социалисты во всем мире все более приходят к убеждению, что осуществление социализма не может быть зависимо только от изменений экономической и социальной структуры общества. Должны также произойти и изменения в человеческом поведении и в отношениях людей... Свободное общество может быть создано только свободными людьми. Но общество свободы и равенства не может существовать без морали» [15, с. 398]. Среди представленных аналитических выкладок деятелей отечественного демократического социализма отчетливо звучат мотивы приоритета не классовых, не партийных, а общечеловеческих, универсальных гражданских ценностей — свободы и равенства, от которых демократические социалисты не могут отступить ни при каких обстоятельствах.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15–01–00157а.

This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Humanities (RHF), project number 15–01–00157а.

Список литературы:

1. Аникин Д. А., Зубанова С. Г. Этика: конспект лекций. Лекция №10 // Библиотека npre.ru. Режим доступа: www.nnre.ru/kulturologija/yetika_konspekt_lekcii/p10.php (дата обращения 21.06.2016).
2. Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. 336 с.
3. Кукушкина И. А. Красная Вена: теория и практика австрийского демократического социализма // Конференция «Судьбы демократического социализма в России»: материалов / Предисл. К. Н. Морозова. М.: Изд–во им. Сабашниковых, 2014. С. 194–201.
4. Ненароков А. П. Правый меньшевизм. М.: Новый хронограф, 2011. 600 с.
5. Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
6. Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью–Йорк: Изд–во им. Чехова, 1954. 414 с.
7. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов–революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Конференция «Судьбы демократического социализма в России»: материалы. М.: Изд–во им. Сабашниковых, 2014. С. 37–55.
8. Чернов В. М. К обоснованию партийной программы. Прага, 1918. 82 с.
9. Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина, 1994. №10. С. 76–81.
10. Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия / пер. с англ. М.: Республика, 1993. 431 с.
11. Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Согласие, 2000. 278 с.
12. Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: Terra, 1993. 560 с.
13. ГА РФ. Ф. 1776. Оп. 1. Д. 33.
14. Петрищев А. Б. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. №4–5. С. 236–249.

15. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х — 1920-х г. г.): сб. науч. тр. Нью-Йорк: Издание «Нового журнала», 1969. 400 с. Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/books/parties.htm> (дата обращения 12.02.2016).
16. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 463 с.
17. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5 изд. М., 1966. Т. 23. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.
19. Петрищев А. Б. В гриме и без грима // Русское богатство. 1918. №1–3. С. 330–338.
20. Пешехонов А. В. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. №1–3. С. 303–330.
21. День. 1917. 24 октября.
22. Церетели И. Г. Кризис власти. М.: Луч, 1992. 263 с.
23. Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х т. Т. 2–3. М.: Республика, 1991. 1030 с.
24. НИОР РГБ. Ф. 225. К.1. Д. 64.
25. Розанов В. В. Уединенное. М.: БММ, 2013. 192 с.
26. Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. 383 с.
27. Петрищев А. Б. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. №4–5. С. 236–249.
28. Редько А. Трагедия русской интеллигенции // Русское богатство. 1918. №1–3. С. 261–278.
29. «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920–1941 / публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова. Саратов: Саратов. гос. техн. ун–т, 2014. 412 с.
30. ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 66.
31. Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 78 с.

References:

1. Anikin D. A., Zubanova S. G. Etika: konspekt lektcii. Lektsiya №10 (Ethics: lecture notes. Lecture no. 10). Biblioteka nnre.ru. Available at: www.nnre.ru/kulturologija/yetika_konspekt_lekcii/p10.php, accessed 21.06.2016.
2. Selunskaya N. B., Toshtendal R. Zarozhdenie demokraticeskoi kultury: Rossiya v nachale KhKh veka. Moscow, ROSSPEN, 2005, 336 p.
3. Kukushkina I. A. Krasnaya Vena: teoriya i praktika avstriiskogo demokraticeskogo sotsializma. Sudby demokraticeskogo sotsializma v Rossii: Sbornik materialov konferentsii. Predisl. K. N. Morozova. Moscow, Izd–vo im. Sabashnikovyx, 2014, pp. 194–201.
4. Nenarokov A. P. Pravyi menshevizm. Moscow, Novyi khronograf, 2011, 600 p.
5. Shubin A. V. Sotsializm. “Zolotoi vek” teorii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 744 p.
6. Vishnyak M. V. Dan proshlomu. New–York, Izd–vo im. Chekhova, 1954, 414 p.
7. Morozov K. N. “Partiya tragiccheskoi sudby”: vklad partii sotsialistov–revolyutsionerov v kontseptsiyu demokraticeskogo sotsializma i ee mesto v istorii Rossii. Sudby demokraticeskogo sotsializma v Rossii: Sbornik materialov konferentsii. Moscow, Izd–vo im. Sabashnikovyx, 2014, pp. 37–55.
8. Chernov V. M. K obosnovaniyu partiinoi programmy. Prague, 1918, 82 p.
9. Protasov L. G., Protasova O. L. Narodnye sotsialisty. Rodina, 1994, no. 10, pp. 76–81.
10. Galili Z. Lidery menshevikov v russkoi revolyutsii. Sotsialnye realii i politicheskaya strategiya. Per. s angl. Moscow, Respublika, 1993, 431 p.
11. Valentinov N. Dva goda s simvolistami. Moscow, Soglasie, 2000, 278 p.
12. Valentinov N. Nedorisovannyi portret. Moscow, Terra, 1993, 560 p.
13. GA RF. F. 1776. Op. 1. D. 33.
14. Petrishchev A. B. Vnutrennyaya letopis. Russkoe bogatstvo, 1917, no. 4–5, pp. 236–249.

15. Shub D. N. Politicheskie deyateli Rossii (1850–kh — 1920–kh g. g.): sbornik statei. New–York: Izdanie “Novogo zhurnala”, 1969, 400 p. Available at: <http://socialist.memo.ru/books/parties.htm>, accessed 12.02.2016.
16. Protasov L. G. Lyudi Uchreditelnogo sobraniya: portret v inter'ere epokhi. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008, 463 p.
17. Protasova O. L. A. V. Peshekhonov: chelovek i epokha. Moscow, ROSSPEN, 2004, 240 p.
18. Lenin V. I. Poln. sobr. soch., 5 izd. Moscow, 1966. V. 23. Available at: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.
19. Petrishchev A. B. V grime i bez grima. Russkoe bogatstvo, 1918, no. 1–3, pp. 330–338.
20. Peshekhonov A. V. Provalilos li narodovlastie? Russkoe bogatstvo, 1918, no. 1–3, pp. 303–330.
21. Den. 1917. 24 oktyabrya.
22. Tsereteli I. G. Krizis vlasti. Moscow, Luch, 1992, 263 p.
23. Sukhanov N. N. Zapiski o revolyutsii. In 3-rd v. V. 2–3. Moscow, Respublika, 1991, 1030 p.
24. NIOR RGB. F. 225. K.1. D. 64.
25. Rozanov V. V. Uedinennoe. Moscow, BMM, 2013, 192 p.
26. Kerenskii A. F. Russkaya revolyutsiya 1917. Moscow, Tsentrpoligraf, 2005, 383 p.
27. Petrishchev A. B. Vnutrennyaya letopis. Russkoe bogatstvo, 1917, no. 4–5, pp. 236–249.
28. Redko A. Tragediya russkoi intelligentsii. Russkoe bogatstvo, 1918, no. 1–3, pp. 261–278.
29. “My, russkie, drugie, my sozdany dlya ispytaniy”. Pisma V. M. Chernova. 1920–1941. Publ., vstup. sl., podg. teksta i komment. G. V. Lobachevoi, A. P. Novikova. Saratov, Sarat. gos. tekhn. un–t, 2014, 412 p.
30. GA RF. F. 5847. Op. 1. D. 66.
31. Peshekhonov A. V. Pochemu ya ne emigriroval? Berlin, Obelisk, 1923, 78 p.

*Работа поступила
в редакцию 31.07.2016 г.*

*Принята к публикации
03.08.2016 г.*